

Глава 8. Баланс белого

Через несколько дней, вспоминая о поступке Джесси, Брайан не обнаруживал у себя к ней ни вражды, ни досады. Мир, в котором она находилась, точнее, который её собственные представления и ценности сформировали вокруг нее, и который она понимала так, как могла понимать девушка в подобной ситуации, раскладывался для нее по иным категориям, нежели мир самого Брайана. Он не считал возможным рассуждать о какой-либо “единой реальности”, в которой “встретились Брайан и Джесси”, и которая бы подчинялась неким универсальным нормам, позволяющим с единой позиции оценивать поступки каждого из них. Из того факта, что они в этих двух мирах смогли обнаружить друг друга, совершенно не следовало, что в их мировосприятии есть что-то *неизменно общее* – они всего-навсего воспользовались общим исходным материалом, обстоятельствами и событиями. Каждый из них лепил из этого сырья собственную картину, строил ментальные модели по индивидуальным шаблонам – у каждого была своя реальность, со своими законами, принципами и аксиологией. Выбранная ею модель поведения, вероятно, была самым оптимальным компромиссом, золотой серединой между двумя противоположными мотивами: жадой отчаявшейся молодой женщины выкарабкаться из ямы, в которую ее бросила жизнь, и стремлением сохранить свое лицо, причиняя окружающим минимально возможный вред.

Во всяком случае, Брайан предпочитал относиться к этому именно с такой стороны. “Будем считать, что она хотела как лучше, – говорил он сам себе, – модель реальности, в которой она была заперта, иных поступков, вероятно, не предполагала”. Впрочем, несколько раз, параллельно с этими всепрощающими соображениями, его посещали и другие мысли: если бы письмо Тэда запоздало и ускользнуть ему не удалось – вряд ли его оценка решений Джесси была бы окрашена в такие благодушные тона.

И все же он был рад, что в его скитаниях случился небольшой перерыв, позволивший ему привести себя в порядок во всех смыслах этого слова. Сколь ни кратковременным оказалось это пристанище, оно позволило ему воспрянуть духом, упорядочить мысли и даже облагородить внешний вид (его одежда, как заметила Джесси в первый же вечер, выдавала в нем человека, который внезапно лишился привычного жилья – он выглядел хуже, чем большинство бездомных). Так или иначе, с именем Джесси у Брайана остались не одни лишь негативные ассоциации. В первые минуты, когда он только узнал о ее предательстве, все его внимание было поглощено необходимостью срочных действий, и на эмоции уже не оставалось ни времени, ни сил. Впоследствии же, анализируя произошедшее, он объяснял себе то хладнокровие, с которым принял её поступок, как закономерный результат того, что он сам изначально старался не допускать возникновения между ею и собой какой-либо эмоциональной привязанности.

То, что причина и следствие в таких ситуациях могут легко меняться местами, ему в голову не приходило.

Тем не менее, на дальнейшее Брайан принял твердое решение: не связывать больше со своей судьбой ни одного человека. Если получится так, что его кто-либо узнает, он должен будет немедленно исчезнуть. Если он узнает кого-то сам – он не подаст виду.

С этими мыслями он добрался до промышленной зоны, расположенной на периферии западной части города, где стал подыскивать приемлемое жилье. Скоро ему повезло – благодаря тому, что его внешность вернулась к образу цивилизованного человека, ему удалось войти в доверие к одному из фермеров средней руки, которому был нужен диспетчер системы наблюдения за полузаброшенным складом. Вся задача заключалась в мониторинге небольшой части территории и в оперативном

пресечении попыток проникновения на нее того контингента, представителем которого недавно был сам Брайан – бомжей, бродяг и прочих лиц, стремящихся устроить себе жилье в полупустых складских ангарах. Функции Брайана были просты: поддерживать работу дюжины камер, при необходимости – вызвать хозяина или полицию. Брайан сказал, что приложит все силы для того, чтобы полицию вызывать не пришлось, и они ударили по рукам.

Он занял примыкающую к складу каптерку, одна сторона которой выходила на внутреннее помещение склада, вторая – на улицу, открывая из окна глубокую панораму проезжей части (обстоятельство, которое Брайан в последнее время стал учитывать на инстинктивном уровне). Пару часов ушло на то, чтобы избавить комнату от следов бесхозяйственного бардака, после чего он опытным взглядом изучил оставшуюся мебель, удивляясь тому, как быстро у него уже получается создавать на новом месте необходимый для жизни комфорт. Отдохнув, он поставил чайник и растянулся на кушетке, которая была самым крупным элементом минималистического интерьера каптерки. Также здесь присутствовало старое кресло, дубовый стол и тяжелый шкаф, наполовину занятый полусгнившими документами.

Развалившись с чашкой чая, Брайан заметил под окном исправный калорифер – это создавало надежду на то, что при хорошем стечении обстоятельств здесь можно будет задержаться дольше чем на пару месяцев. А когда за малозаметной филенчатой дверью ему открылась функционирующая душевая кабинка, он окончательно воспрял – жизнь налаживалась! Самое главное – он был один, он был совершенно свободен, он был в безопасности.

Немного вздремнув, Брайан пообедал, затем расположился поудобнее и открыл ноутбук. Однако, вместо того, чтобы заняться работой или хотя бы проверить почту, он остался сидеть, уставившись на матовую гладь экрана, накрытый внезапно нахлынувшей волной воспоминаний и всплесками последовавших за ней размышлений.

Он поймал себя на мысли о том, что за последнее время утратил ощущение связанности с остальными людьми, позволявшее ему воспринимать себя одним целым с ними. Дело было не в объеме или плотности социальных контактов – он и раньше не был “душой компании”, а в том, что он утратил ощущение “ожидания тайны”, которое присутствует в каждом акте общения, которое стимулирует интерес и поддерживает вовлеченность в дискурс... Чем дальше забрасывала его судьба в его скитаниях, тем сильнее он ощущал в себе эту утрату. Чем это было вызвано? Неужели только его собственным положением, которое за последние пару месяцев с каждым разом только ухудшалось, или в этом были виноваты типажи, встречавшиеся ему по пути?

Он был маргиналом против своей воли... но, впрочем, бывают ли маргиналы иного рода? Всю свою жизнь, и особенно последние годы, находясь среди своих коллег, он отнюдь не переоценивал себя. Да это было и невозможно для рядового сотрудника непримечательного университета. Однако при этом он часто ловил себя на том, что ему тесно и душно в любой атмосфере – даже среди тех своих товарищей, с которыми он не ощущал интеллектуальной или культурной разницы. Чего ему недоставало? Почему даже сейчас, вспоминая о том круге, из которого волей обстоятельств он оказался выброшен, он не испытывал того сожаления, какое, вероятно, ощущал бы любой другой на его месте?

Некоторое время он был вынужден жить в обществе тех, кто был ему малоинтересен, но хотя бы соответствовал ему по культуре быта. Затем бежал и оттуда, оказался на дне, получил временное пристанище, но не задержался надолго и там, и снова оказался один. И все это время, во всех этих обстоятельствах его ни разу не посетило сожаление о том обществе, которого он был вынужден лишиться. Он скучал по комфорту, по чистым простыням, по ароматной пене, клубящейся над теплой водой в уютной ванне с подголовником, по домашней еде, приготовленной на собственной кухне – по всем этим мелочам, которые раньше составляли его быт, и которые не могли быть компенсированы ни

дорогими отелями, ни временными пристанищами у самых искренних друзей. Но при этом он ловил себя на мысли, что ни разу не скучал по обществу тех, с которыми его вынуждено разлучили. Он с искренней радостью читал письма Тэда Пауэлла и Стиана Сагена, он с теплотой относился к обоим, особенно к Стиану, но – хладнокровно оценивая свои чувства – он не находил в себе той тоски по их обществу, которая причиняла бы ему дискомфорт, сравнимый с отсутствием его старого заварочного чайника и любимой коробки черного плантационного Ассама.

Прежний круг знакомых Брайана ограничивался средним классом, представителями так называемой научной интеллигенции и, изредка, политическими дельцами, без которых, к сожалению, не могли обойтись официальные мероприятия (иногда отвертеться от участия в них было невозможно). Сейчас, вырванный из этого общества и вброшенный сперва в среду мещан, затем – обывателей и синих воротничков, а напоследок окунувшийся в сточные воды общественных клоак, он вдруг поймал себя на интересном наблюдении: похоже, что общего между ними было куда больше, чем различий. Не того “всечеловеческого общего”, которое было бы естественным и ожидаемым для любого гуманитария и специалиста его профиля, а совсем другого, не подчиняющегося различиям в их лексике, культурных уровнях, интеллектуальном коэффициенте, аксиологиях... Чего-то такого, что, как снова казалось Брайану, имело непосредственное отношение к сущности троянца.

Он лег на спину и закрыл глаза, наблюдая за тем, как перед ним на фоне образных типажей проносятся конкретные лица тех, с кем ему довелось столкнуться за последнее время. Отупевшие от пьянства бомжи, вульгарные шлюхи, пытающиеся спрятать под показной агрессией свои животные страхи, полукриминальные люмпены, физиологичность жизненных установок которых уступала лишь примитиву способов их реализации... Конвейерные люди-инструменты так называемого среднего класса – добровольные холуи конъюнктуры, продуктивные и трудолюбивые в силу зашоренности собственных интересов, скрупулезные искатели баланса внутри вилки “работа – оплата”... Аристократические сливки общества, являющиеся ничем иным, как носителями рафинированных интенций всех вышеперечисленных групп... И, наконец, эстетствующие интеллектуалы, отличавшиеся от всех прочих лишь умением видеть их уродства, но при этом скрывавшие в себе те же самые страхи и мотивы, от которых они тщетно пытались дистанцироваться при помощи отчуждающих метафор и лицемерных эвфемизмов.

Всех их объединяло отчаянное желание сохранить собственное мироощущение, не допустить каких-либо изменений в системе ценностей, сформированной природными и экстернальными факторами: физиологией млекопитающих, социальными установками, воспитанием, средой... Каждый из них любыми путями стремился избежать новизны, утвердить функциональность собственных моделей, зафиксировать свою онтологию или даже упростить ее, если это оказывалось возможно. А когда им удавалось распространить свое мироощущение на окружающих, они переживали сильнейшее эмоциональное подкрепление от утверждения собственной экзистенции.

Брайан задумался над этой склонностью к выхолащиванию своих когнитивных моделей, к ограничению их вариативности, понимая, что это естественно и закономерно для любого приспособляющегося существа. Это и есть та самая рациональность – экономия усилий, минимизация затрат энергии при выживании и продолжении рода. Это паттерн, который характерен не только для всех млекопитающих, это паттерн самой жизни. Любое усложнение их онтологии являлось вызовом их благополучию, угрожало разрушить их мир и уют, нивелировало достижения их прошлого, посягало на ценности настоящего и препятствовало прогнозированию будущего.

Подобные соображения приводили его к мысли, что троянец самым фактом своего существования был для этих людей куда опаснее, чем все те скрытые внушения, которые мог содержать. Потому что он претендовал на форсирование того процесса, который и без того был ненавистен любому приспособляющемуся животному – процесса эволюции. И хуже всего то, что делал он это не на

видовом уровне, медленном и незаметном, а на индивидуальном – провоцируя каждого из них выбираться из своей зоны комфорта под угрозой того, что его вытолкнет кто-то другой, расширяя свою собственную.

Он дотянулся до компьютера и напечатал: “Онтология людей описывается лингвистическими структурами, в которых простейшие семантические элементы наивно считаются атомарными сущностями, неделимыми и фундаментальными... подобно атому, который долго казался базовым кирпичиком мироздания. Это заблуждение обусловлено тем, что в нашем опыте никогда не возникает потребности в их членении, в поиски их составных частей. Тем не менее, если опуститься на один уровень ниже, оказывается, что эти “атомы” делимы. Почти наверняка так же делимы и составляющие их элементы. Концепты, представляющие эти лингвистические атомы, содержат суб-концепты, из которых можно сложить понятия, способные не только отразить нечто существующее с совершенно нового ракурса, но и добавить в онтологию нашего мира качественно новые феномены, явления и сущности – описав их, дав определение тому, что ранее не замечалось (и не считалось существующим) в силу неполноценности самой *терминологии*. Эти суб-концепты непросто вычленишь, поскольку даже их осмысление (не говоря уже о нахождении определений для них) – непростая задача, требующая чрезвычайно глубокого абстрагирования.”

Как уже не раз случалось с ним за последнее время, Брайан вдруг остановился и задумался: для кого он это пишет? Найдет ли кто-нибудь этот документ, и если найдет – прочтет ли его с достаточным вниманием для того, чтобы понять то, что следует из этих слов? Несомненно, Стиан это оценит, и Тэд тоже, но почему-то ему не хотелось отправлять им эти рассуждения в виде сырых идей, как он это делал раньше... Успеет ли он довести работу до конца? Не получится ли, что этот ноутбук или облачное хранилище, в котором он дублирует свои размышления, взломает какой-нибудь капитан, затем по ним пробежится равнодушным взглядом его начальство или кто-то из их горе-аналитиков, после чего все это заархивируют и забудут... Вполне возможно, что так и произойдет. Но даже в этом случае, даже допуская такой финал, он будет продолжать эту работу – ради самого себя. Ради самой идеи троянца.

Эта работа успела стать для Брайана много большим, чем просто удовлетворением научного интереса, помощью товарищам или попыткой выслужиться перед государством с целью сглаживания былых недоразумений. Брайан чувствовал, что занимается троянцем совсем не ради этих целей, но потому, что эта задача давала ему цель в его жизни, поддерживала у него волю к свободе и мотив к деятельности – в сущности, она стала частью его самого. У него в этом мире не осталось ничего, что обладало бы собственной ценностью, интерес к чему был бы совершенно чист от утилитарных соображений – ничего, кроме троянца. Он сроднился с этой проблемой потому, что чувствовал неразрывную связь между собой и этим феноменом, этот проект был важен для него сам по себе... или, наоборот, его воодушевляла мысль о собственной значимости для проникновения в его суть – в сложившемся у него отношении к троянцу разницы между этими понятиями он уже не видел.

Подобная вовлеченность в работу не подходила ни под одно из высоко котируемых в обществе определений: “профессиональный интерес” здесь абсолютно не подходил, а “призвание” – с его отвратительными коннотациями инструментализма, было еще более неуместно. Это было то дело, которым человек занимается даже в том случае, когда не получает за него ни оплаты, ни признательности окружающих, потому, что делает это ради самого предмета и той связи, которая установилась между субъектом и объектом, связи, которая уничтожала границы между этими понятиями.

Брайан подтянул к себе плед и обернулся им – из щелей в оконных рамах стало потягивать вечерней сыростью. После чего допил чай, который остывал здесь быстрее, чем хотелось бы, и продолжил:

“Судя по всему, текст троянца составлен из конструкций, содержащих эти суб-концепты в порядке усиливающегося чередования... вызывающего что-то вроде резонанса. Эти конструкции подаются реципиенту в форме, незаметной для осознания на привычном уровне восприятия текста, поскольку скрытые, введенные с целью создания резонанса, элементы вытесняются на задний план привычными комплексными семами, составляющими поверхностное содержание текста и отвлекающими внимание на обычный нарратив. Тем не менее, паттерны суб-концептов не теряются, они проходят через восприятие и, спустя некоторое время, обретают связь с остальными образами внутри ментального мира, вызывая к сознанию гештальт той идеи, которую они изначально выражали. Этот механизм не имеет ничего общего с широко известным гипнотическим наслоением коротких повторяющихся образов путем ритмической их подачи в общем семантическом пространстве: главным отличием является оперирование не готовыми образами, а суб-концептами, “сборка” которых в смыслообразующие паттерны производится внутри реципиента после доставки сообщения. Грубо говоря: в сознание доставляются не кусочки слов или морфем, на которые месседж может быть разложен, а досмысловые элементы, способные сформировать новые термы, из которых сложится главное содержание месседжа. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что подобный механизм доставки контента, при условии тщательной реализации, обладает эффективностью, которая на много порядков превосходит все ранее известные методики внушения.”

Брайан задумался о том, как этот механизм можно использовать, и понял, что у него, как у каждой технологии, неизбежно должны быть свои ограничения. Спустя минуту он добавил пару абзацев:

“Микроконцепты, подаваемые в тексте внутри обычных понятий, должны складываться в ритм, чтобы произвести нужный эффект, иначе они не войдут в резонанс и не смогут построить гармоничного цельного образа, в результате чего сообщение не соберется в одно целое. Безусловно, они присутствуют в любом тексте в качестве составных частей комплексов, являющихся семантическими единицами этого текста, однако эти выходящие за границы семов последовательности суб-концептов никак не обнаруживают какое-либо иное значение, отличное от привычного, поскольку практически всегда находятся в рассинхроне и незаметны на фоне семантики транспортного потока. Те же единичные случайные резонансы, которые неизбежно происходят между ними, не складываются в осмысленное сообщение.

Нет никакого сомнения в том, что эксплуатация этого механизма повлечет за собой усложнение концептуальных систем, однако, в конечном итоге, это будет иметь положительный эффект. Безусловно, новые смысловые пласты потребуют разработки новых когнитивных моделей, которые дополнят аппарат рефлексии и изменят ощущение субъектом самого себя. Однако при этом доступный ему мир раскроется ранее неизвестными пространствами, раскрасится новыми красками, обретет новые грани, которые в настоящий момент отсутствуют лишь потому, что попросту еще не имеют значения – и в равной степени по этой же причине пока еще не существуют.

У этого подхода микроконцептуализации должны быть естественные ограничения, одним из которых должен быть запрет на добавление концептов в произвольном направлении. Например, нельзя создать концептуальную структуру, комплементарную принятым моделям, описывающую супермена, который летает между небоскребами в обтягивающем трико, нельзя непротиворечиво концептуализировать превращение ртути в золото при помощи философского камня, или, тем более, воскрешение червивого трупа пророка, снятого с креста. Концепты могут расширять онтологическое пространство только таким образом, который целостен сам по себе и способен вписаться в контекст, сложившийся до этого и включающий в себя множество рестрикторов природного характера, то есть, содержащий онтологические принципы, используемые в доминирующей системе концептуализации. Для полной замены той реальности, которая структурирована носителями языка, потребовалось бы информационное описание, превосходящее весь их семантический опыт, весь опыт млекопитающих с

момента формирования их когнитивной системы, и даже более того – весь информационный опыт, накопленный за период эволюции живых форм...”

Перед тем, как лечь спать, Брайан проверил почту – он ждал письма от Стиана, который уже несколько дней не напоминал о себе.

Папка входящих его не разочаровала. Несмотря на то, что письмо было от Пауэлла, он был рад любым известиям оттуда. Однако, когда Брайан расшифровал послание, его радость сменилась большой тревогой.

Тэд сообщал, что два дня назад в группе произошло ЧП: внезапно пропал один из ее членов – Стиан Саген. Несмотря на то, что Пауэлл не был осведомлен о переписке между ними, он знал, что Стиан и Брайан знали друг друга, поэтому решил поделиться событием. Саген исчез из собственного дома ночью – вечером он поднялся на второй этаж, чтобы поработать перед сном, однако к жене затем не спустился. Утром она, полагая, что он еще там, поднялась наверх, однако никого в кабинете не обнаружила. Встревоженная, она подняла на ноги весь дом, обзвонила знакомых, вызвала полицию – и постепенно стали всплывать очень странные факты. Спуститься по лестнице и выйти наружу он не мог, не разбудив детей и супругу. Собака спала в прихожей, она бы обязательно отреагировала на посторонних. Окна в кабинете Стиана были достаточно широкими, чтобы через них можно было протиснуться, но... окна остались запертыми изнутри. Трудно было представить способ, которым он мог покинуть дом по своей воле, еще труднее было придумать мотив, который бы заставил его это сделать. Однако объяснить это похищением также не получалось – кто и как мог это осуществить? Никаких следов борьбы не было, на столе остались несколько листов, карандаш и включенный компьютер – все было в таком порядке, словно он только что отлучился и через минуту должен вернуться.

Естественно, в самой группе тут же подняли тревогу. Отдел безопасности вместе с оперативниками прочесали всю округу. Безрезультатно. Жена держит себя в руках, не желая верить в худшее, однако в самой группе склоняются к версии похищения. Начальник особого отдела, изучив дом, сказал, что провести тихий насильственный захват человека в подобных условиях, безусловно, непросто, однако не является невыполнимой задачей. Жене, конечно, этого не сказали, но всем членам Илиона дали строгие указания принять меры безопасности. Некоторым предоставили охрану.

Тэд писал это Брайану с целью предупредить его о том обороте, который могут принять дела. Он сам не мог склониться ни к одной из версий исчезновения Сагена, однако считал, что любой из возможных вариантов может быть важен для Брайана – в силу того, что из всех них он наименее защищен. Возможно, добавлял в конце Пауэлл, это просто бегство от давления, чувства ответственности и общей усталости, которые в группе в последнее время стали достигать слишком больших величин.

На этом письмо заканчивалось. Ошеломленный, Брайан сидел перед экраном, перечитывая его строки и пытаясь справиться с противной мелкой дрожью, охватившей все его тело. Брайан вспомнил свой разговор с Борисом, вспомнил уверенный тон, с которым тот говорил о методах китайских спецслужб... Он понял, что Стиан мог представлять для них прямой интерес – ведь Брайан делился с ним первым всеми своими тезисами по проекту!

“Это моя вина... – в растерянности думал он: – Я заботился лишь о том, чтобы моя работа не пропала втуне, когда спешил делиться с ними своими дурацкими идеями. Я забыл, что Стиан с Тэдом на виду у всех!.. Хватит. Я больше не имею права никого подставлять. Отныне ни одна гипотеза не выйдет за пределы этого ноута.”

Уинстон остался доволен результатами предыдущей неформальной встречи с учёными, поэтому решил периодически повторять такие собрания, на которых официальные отчёты, составляемые для

него Тайлером, он мог бы дополнять личными наблюдениями и очными беседами с ведущими лицами проекта. На очередной такой встрече он собрал вокруг себя наиболее авторитетных специалистов, чье понимание троянца продвинулось, как ему казалось, дальше остальных. Он чувствовал, что может наконец-то получить ответы на ряд вопросов, которые давно волновали главных заказчиков проекта и его самого.

– Пусть вы еще не можете дать ответ на вопрос "как", – обратился он к группе собравшихся, – но вы уже достаточно долго изучаете троянца, чтобы ответить на вопрос "что". Вы уже должны были составить представление о пределах его функциональных возможностей...

Заметив, что ему собираются возразить, он спешно дополнил:

– Да, я знаю, что без понимания механизма точный ответ на этот вопрос невозможен, однако давайте попробуем представить спектр его применения. Меня интересует, можно ли в троянце спрятать что-то менее абстрактное, менее отвлеченное и общее, чем то, что содержит наш образец? Допустим, что-то сугубо бытового уровня, ну хотя бы следующее: *"выгоднее покупать товары этого бренда"*, *"данная экономическая программа лучше всех прочих"* или *"в следующем сезоне бейсбола команда янки проигрывает"*?

Уинстон озвучил эти примеры абсолютно равнодушным тоном, как бы давая понять окружающим, что это не более чем упрощенные примеры применения троянца, пришедшие ему в голову только что. Он не сомневался, что ему удалось сохранить лицо, задавая этот вопрос. Точно так же удалось сохранить лицо учёным, которые давно уже догадывались об истинной цели исследований, но не озвучивали эти догадки перед руководством. Впрочем, некоторые из них даже сами себе не хотели признаваться в том, что является итоговой целью их исследований.

Лингвист Булье кивнул головой и ответил:

– Полагаю, на вопрос в такой формулировке ответ можно дать даже при нашем уровне представлений о троянце. Сейчас мы уже не сомневаемся в том, что второй смысловой пласт кодирован определенными трудноуловимыми микросемантическими элементами...

Рядом с ним что-то недовольно пробурчали, чего Уинстону не удалось разобрать. Лингвист обернулся и поправился:

– Да, хорошо... Извините за терминологию, я постараюсь избегать деталей, которые для вас будут затруднительны и вообще не важны. Но одно правило я всё-таки изложу.

Уинстон благодарно кивнул, обратившись во внимание.

– Дело в том, – продолжил лингвист, – что привычные нам категории, которые мы используем в обыденной речи и которыми оперируем при регулярном мышлении, находятся в некоторой середине иерархии... в самом низу которой – наиболее отвлеченная абстракция, а наверху – редко используемые конкретные сущности, частные случаи. Ну, например, как обычное и повседневное для всех нас понятие "дуб" относится к понятию "растения", с одной стороны, и – "красный дуб", с другой... На этом теория закончилась, – улыбнулся он. – Теперь ответ на ваш вопрос. Чем меньше, незаметнее и гибче используемые в троянце смысловые микроэлементы, тем меньше они способны соотноситься с такими макро-сущностями, которые представляют собой бренды, личные имена, названия конкретных партий, марки автомашин или сорта вин – в противном случае они бы легко обнаруживались сознанием, превращаясь в привычный текст. Если мы хотим что-либо спрятать, выражая это микросущностями, мы очень ограничены в выборе категорий, которые будут содержаться в нашей кодировке. Другими словами – то, что лежит в кузове транспорта, должно быть меньше самого транспорта. Или даже так: для того, чтобы незаметно провезти контрабанду, она должна быть как можно дальше от определения груза, как такового – иначе таможенник неизбежно обратит на нее свое внимание.

Заметив, что лицо советника разочаровывающее вытянулось, лингвист добавил:

– Не забывайте, что это общее ограничение, оно работает абсолютно для всех!

Один из социологов подхватил:

– Даже если бы троянец мог работать с вышеперечисленными элементами макроуровня, его воздействие было бы слишком тонким и деликатным, чтобы оно могло соперничать с обычной рекламой, пропагандой и прочими средствами убеждения – давно разработанными и имеющими отшлифованные механизмы их реализации. Под каждую задачу нужны свои инструменты.

Его поддержали одобрительные голоса вокруг – похоже было, что по этому вопросу в Илионе уже достигнут консенсус.

Уинстон пожевал губы, вздохнул и выпрямился. Затем, видя, что от него ждут следующего вопроса или, как минимум, подтверждения того, что он удовлетворен ответом на предыдущий, он спросил менее уверенным тоном, чем ему бы самому хотелось:

– Ну хорошо, если это так, то получается, что Ватикан и остальные напрасно тратят силы? Не думаю, что они занялись изучением троянца исключительно из академического интереса, но выходит, что они также не смогут использовать его механизм себе на пользу? У них не будет возможности протаскать в наше информационное пространство какие-либо собственные послы...

Говоря это, Уинстон параллельно размышлял о том, что после того, как он услышит короткий ответ на этот вопрос, сегодняшнее собрание можно будет сворачивать, а саму группу постепенно сокращать, оставив в ней только несколько главных фигур – угроза троянца, похоже, была сильно переоцененной.

– Увы, нет, – услышал он почти одновременно со всех сторон, и вначале даже подумал, что ослышался.

– Нет?! – воскликнул он.

– Нет, – покачал головой Робер Булье, – потому, что троянец не препятствует протаскиванию идей, основанных на концепциях, которых прочно вошли в метафоры нашей обыденной речи, в наше мироощущение, во всю нашу онтологию... Видите ли, наша цивилизация слишком много лет провела под давлением христианских идей, а до этого – идей монотеизма, а еще раньше – идей наличия высшей сущности, управляющей бытием. Наш язык проникся семантикой, основанной на этом опыте, наши идиомы и обороты так или иначе апеллируют к ним, хотя мы этого не замечаем. Вы, возможно, не представляете, как много христианских коннотаций привязываются даже к исключительной абстрактным словам *“три”*, *“тройка”*, *“трое”*, и как часто это используют – не только в пропаганде, но и в поп-культуре, в литературе, кино и так далее... Подобных примеров очень много. Ну вот, хотя бы такой пример: когда герой или антигерой в фильме-боевике перед тем, как убить врага, несколько минут излагает ему причины, по которым он это делает – это та же эксплуатация психологических паразитов нашего сознания, которые апеллируют к фикциям типа “душа” и прочим глубоко укоренившимся паттернам. Бренд “Кока-колы” по глубине проникновения в нашу психику – к счастью! – с ними не сравнится, он не способен найти референса на микросемантическом уровне. Однако идея утверждения некоего творца – любого, не обязательно Христа! – вполне может быть сформулирована так, чтобы остаться вторым, незаметным планом сообщения.

Уинстон начал понимать.

– То есть... – неуверенно начал он и запнулся.

– То есть, – подхватил один из социологов, – если тот же Ватикан задастся целью повысить авторитет церкви в среде католиков, усилить их веру и подчинение собственным директивам, его троянцы скорее всего справятся с этой задачей.

– И не только Ватикан, – подключился Тэд Пауэлл. – То же самое можно сказать о любой парадигме, обладающей глубоко укоренившимися абстракциями в языке целевой группы, на которую ориентирован троянец. Для тех же русских это будет каша из идеалов тоталитаризма, православия и

социальной иерархии по государственно контролируемым рангам. Для китайцев – композитный сплав из идей марксизма, коллективизма и конфуцианства, и так далее...

– Но тогда эти троянцы будут функциональны только в их же собственном кругу! – заметил один из присутствующих.

– Ну и что? – ответил ему Пауэлл. – От этого их сила ничуть не уменьшится. Представьте, что вам удалось поднять у населения до максимума его убежденность в национальной идее, уничтожить любые сомнения в правильности руководства, довести до абсолюта верность лидерам, воплощающим эту идею. Это не будет похоже на заурядную пропаганду, это будет намного глубже – это будет их мировоззрением, которое они не будут подвергать критической оценке, но на котором они эту оценку будут основывать! Это цементирует нацию, превратив ее в несокрушимую силу... которой, кстати, не всякое государство сможет найти адекватный ответ...

– Это почему же? – перебил его кто-то.

– Потому что в демократическом свободном обществе какая-либо апелляция к идеям централизации менее эффективна, чем в любой авторитарной структуре, которая изначально сконцентрирована вокруг лидера-харизмата или тезиса гоббсовского пошиба... какую бы форму он ни приобретал – будь то “номенклатурно-коммунистический рай”, “присоединение русскоязычных земель” или “торжество святого престола”. Я не утверждаю, конечно, что, к примеру, у наших граждан нет возможности концептуализировать подобные тезисы и усилить их аналогичным троянцем. Однако, если оценивать сложность реализации этой задачи, нет никаких сомнений, что авторитарным режимам это сделать намного проще. Этим же преимуществом, естественно, обладает и церковь, – на этих словах Пауэлл обернулся к тому, кто его только что перебивал и добавил не без легкого снисхождения, – и я полагаю, причины этому объяснять не нужно.

Он снова повернулся к советнику и подвел итог:

– Когда идея присутствует в десятке поколений, она уже пустила достаточно глубокие корни в онтологию. Вы понимаете, что любая пропаганда, в сущности, только этого и пытается добиться?

Уинстон это отлично понимал. И понимал, что группу распускать ни в коем случае нельзя. Чем дальше он слушал, тем больше в нем росла уверенность в том, что оценка опасности троянца была все-таки правильной.

– Согласен, – сказал лингвист, – Китай с Россией вполне способны при помощи троянцев довести-таки зомбификацию своего населения до идеала. Я не спорю, что для нас это представляет угрозу. Но чем нам может угрожать римский понтифик? Ватикан всегда работал на одном поле с нами. Несмотря на англиканскую церковь, его доктрина доминирует. По-моему, мы с ними в одной лодке...

– Ха! – тут же возразил еще один из ученых, имени которого Уинстон не знал. – В том-то и дело, что в лодке. Хотя во всем мире католиков больше миллиарда, их присутствие в реальной власти уменьшается с каждым десятилетием. Пару столетий назад влияние понтифика было на порядки сильнее, однако до сих пор с политическими претензиями кардиналов приходится считаться – спроси у советника, насколько правительство зависит от их позиции при назначении сенаторов или при выборе президента.

Уинстон кивнул – это не было секретом.

– Кроме того, – продолжал ученый, – католическая церковь отлично умеет использовать свое влияние на все сферы нашей жизни – при желании, она легко может испортить репутацию любому публичному лицу, перечеркнув его карьеру. Ты тут сказал про то, что мы в одной лодке – это точно. Только не забывай, что в этой лодке всегда важно распределение между гребущими и рулящими, и хотя церковь сроду не была в числе первых, она уже давно не имеет того доступа к румпелю, который у нее когда-то был. И который она наверняка мечтает вернуть любыми средствами. Я уверен, что

стратегию Ватикана разрабатывают неглупые люди, и, если сведения о том, что они изучают троянца, верны, скоро мы ощутим это на собственной шкуре.

На эти слова никто не возразил. Уинстон сделал несколько коротких заметок в своем планшете, после чего сделал знак, привлекающий внимание, и сказал:

– Спасибо за все ваши рассуждения, я получил ответы на свои вопросы. Думаю, эту тему развивать можно и дальше, но я бы попросил сейчас сфокусироваться на практических вопросах. Теперь уже ясно, что если нам стоит опасаться какого-либо идеологи... идейного удара, то в первую очередь – от тех институтов, которые делят с нами языковое и информационное пространство. В данном случае – те же католики. Возможно, не они одни, но это уже второстепенно. С этим все согласны? – и он бегло провел глазами по лицам окружавших его.

– Если не возражаете, я бы сформулировал это следующим образом, – решился уточнить Булье. – Подобные механизмы обладают наибольшей работоспособностью именно в родной онтологической и ценностной среде, и дают тем большую отдачу, чем привычнее концептуальное поле, на которое они полагаются. Это очень важно понимать: в троянце сформулировать второй информационный слой тем легче, чем ближе его основные положения к устоявшейся парадигме потребителей контента и их привычным понятиям. Если совсем просто: каждый будет неизбежно танцевать от собственной печки.

– Отлично, спасибо, – сказал советник, записав это дословно. – Мне сейчас нужны ваши предложения по минимизации эффекта от возможного применения посторонних троянцев.

В зале на минуту воцарилась тишина. К этому моменту все присутствовавшие образовали кольцо вокруг Уинстона, и теперь молча стояли, прислонившись к стене, или сидели, облокотив голову на руки, понимая, что от их предложений, идей и решений зависит судьба их семей, их государства и, возможно, даже значительной части западной цивилизации.

Кеннет, которому легко удавалось оставаться незамеченным на всех собраниях до той поры, пока он не решал проявить себя, впервые подал голос:

– Полагаю, задачу можно определить таким образом: как распознать факт нанесения удара, если сам удар скрытый и проявляется лишь в изменениях реакций населения? При этом сам этот удар наверняка будет камуфлировать себя.

Уинстон повернулся к нему и благодарно кивнул.

– Интересная задача! – подхватил один из математиков, Иво Леманн. – Я думаю, это нечто сродни вопросу: как распознать изменение оттенков освещения, если меняется сам *баланс белого*?

Одобрительные возгласы, которые тут же прозвучали вокруг, дали понять Уинстону, что ученые заглотили наживку.

– А где взять эталонный лист?

– *Quis custodiet ipsos custodes?*

– Это на испанском?

– Нет, это Тэд со своей латынью...

– Ну хорошо, повторю: кто возьмет на себя функцию наблюдателей? Если сам наблюдатель будет подвержен воздействию – какой бы эталон он ни использовал, есть шанс, что троянец сможет его убедить в том, что никаких изменений баланса не произошло...

Уинстон оставил их одних, а сам подошел к Кеннету и обменялся с ним несколькими словами. Кеннет кивнул. Советник также отправил сообщение генералу, попросив его срочно прибыть к нему. К этому времени шум за столом успел организовать в монотонное бубнение – похоже, ученые успели прийти к какой-то идее. Уинстон вернулся к ним.

– Думаем, есть вариант, который может сработать, – заметив его возвращение, сказал Тэд Пауэлл и кивнул на одного из ученых.

Тот повернулся к советнику и объяснил:

– Вот, что можно попробовать. Для начала: составить список наиболее вероятных источников, от которых могут быть вброшены троянцы, то есть определить спектр интересующихся лиц. Дальше: по каждому из них начать мониторинг инфополя – вести детальную статистику социума, поведенческих паттернов, топиков обсуждения, доминирующих оценок, трендов, которые занимают паблики и так далее, с целью обнаружения изменений, которые покажутся нехарактерными, не имеющими естественных причин и при этом выгодными для того института, который находится в фокусе мониторинга. Мы полагаем, что этот подход должен сработать. А обработку статистических данных положить на компьютер – троянец не из той категории вирусов, которая способна заморочить ему мозги. Да и все равно никто, кроме него, не справится с таким объемом материала.

Уинстон подумал и согласился. Это было достаточно разумное и реализуемое решение.

– Итак, – сказал он, – резюмируем. Два пункта. Первый: я жду от вас пружин-оф-концепт того, о чем говорилось в самом начале. Пусть это будет не бренд автомобиля, пусть это будет что угодно, но постарайтесь наконец-то получить работающий прототип нашего собственного троянца – пусть даже очень простой. Сейчас для нас главное – убедиться, что мы на правильном пути. Полагаю, уже никому не нужно объяснять, почему это нужно немедленно – в любую секунду может выясниться, что то, что вы сделали только что, уже бессмысленно. Причем – бессмысленно в прямом смысле слова.

Это понимали все.

– Второе, – продолжил советник: – Немедленно разработайте принципы и нормативы карантина на случай появления чужих троянцев. Задача минимум – защитить ограниченное количество людей в государстве, принимающих решения. Включая, естественно, саму группу Илион. Задача максимум... – он задумался ненадолго, – скорее всего, нереализуема. Нейтрализация троянцев или защита всего населения. Судя по тому, что мы уже знаем, у меня нет больших надежд на то, что это возможно.

Окружающие невесело признались, что это, скорее всего, так.

– И третье, – сказал советник. – Как говорится: последнее, но самое важное. Пожалуйста, сегодня же, сразу после нашей встречи, сформулируйте все, что нужно для мониторинга – с подробностями и деталями, и отправьте мне через Тайлера все инструкции. Помните, – с усилением сказал он, – пока у нас нет своего троянца, задача мониторинга имеет наибольший приоритет. Пусть социологи составят перечень всех ключевых факторов, которые могут выступить в качестве тревожного звонка по всем возможным целям. На этом всё. Еще раз всем спасибо – вечер был очень продуктивным.

Все стали подниматься к выходу. Уинстон сидел, наблюдая, как шумящая группа постепенно вытягивается из зала.

– Вношу предложение по мониторингу! – раздался чей-то голос, по интонации которого было видно, что кому-то уже удалось справиться с первым шоком ответственности: – Я считаю, что троянцы от Ватикана можно обнаружить по внезапному всплеску толерантности в отношении к педофилам в сутанах. Если завтра обнаружится, что совращение мальчиков в кельях не вызывает осуждения у окружающих – значит, католическая империя нанесла удар по менталитету!

Группа Илион невесело хохотнула и разошлась по коридорам. Уинстон рассеянно улыбнулся, занятый другими мыслями: “Я надеюсь, что мы не опоздаем, – думал он. – Я надеюсь на это с первых дней работы над этим чертовым троянцем, и с каждым днем у меня этой надежды все меньше...”

Через две недели после этой встречи Брайан получил от Пауэлла очередное письмо – непривычно объемное. Тэд ранее не был замечен в склонности к многословию, поэтому размер сообщения насторожил Брайана – по всей видимости, случилось что-то серьезное. “Еще кого-то похитили? – подумал он, запуская декодировку письма. – Или мне на хвост опять уселись серые стражи?”

Едва начав читать, он тут же испытал облегчение – обе версии оказались ошибочными. Однако долго это ощущение не продержалось.

Как обычно, Пауэлл начал с того, что вкратце описал последние события. Случай со Стианом остаётся непонятным – чем дольше идет следствие, тем меньше остается вменяемых гипотез, которые могли бы объяснить его исчезновение. Но сейчас он пишет о другом. Он хочет поделиться непростым положением, в котором оказалась сама группа Илион.

День назад несколько членов группы собрались обсудить результаты своей работы. Следуя пути разработки, отчасти параллельной Брайану, отчасти на материале предложений и идей, которыми тот делился с группой через Тэда и Стиана, группе наконец-то удалось прийти к пониманию механизмов троянца. Более того, им даже удалось скомпоновать работоспособный шаблон-образец, функциональность которого подтвердилась в паре осторожных тестов. Этот прототип уже можно было предоставить руководству. И когда это будет сделано, до практической шлифовки технологии останутся считанные часы, максимум – дни. После чего наверняка начнется фаза его активного использования.

В неофициальном собрании, где обсуждались эти успехи, принимали участие далеко не все члены группы Илион – приглашены были только те, кому доверяли больше всех, кто был осведомлен о прогрессе и непосредственно участвовал в доводке прототипа. Пауэлл оказался в их числе – не в последнюю очередь благодаря идеям Брайана. Остальные члены группы, заподозренные в излишней лояльности к властям или в паранойе по отношению к угрозе, исходящей от их потенциальных противников, оставались в неведении, и не были допущены к обсуждению, на котором совесть и ответственность ученого должны превалировать над личными страхами, карьерными соображениями, патриотизмом или служебным долгом.

Тэд сообщил, что собраться их побудила моральная дилемма, которая встала перед ними, едва они осознали себя владельцами очередного варианта “тотального оружия”. Каждый из них понимал: группа стала обладателем уникальной технологии (не считая, естественно, автора троянца, которого можно было не принимать в расчет, поскольку он никак не проявлял себя), но эта же технология в любой момент может быть открыта кем-либо еще.

Что им следует делать в положении, в котором они оказались? У них на руках инструмент, которым завтра же можно попробовать провести “обработку” населения с целью предвосхищения или (если получится) даже предотвращения попыток использования этого инструмента кем-либо еще... Но, вне зависимости от того, как этим инструментом начнут пользоваться те, кто сформировал группу Илиона, каждый из ученых отлично понимал, что любая подобная обработка сама по себе неизбежно будет злоупотреблением – поскольку будет тайной манипуляцией, производимой над людьми помимо их воли. Никто из власть имущих никогда не удержится от использования подобного инструмента к своей выгоде...

Что делать им самим? Умолчать наличие технологии невозможно – то, что обнаружено ими, остальная часть группы Илион неизбежно сообщит в ближайшие дни. Не говоря уже о том, что существуют враждебные группы, занимающиеся тем же самым... в которых, возможно, никто не будет мучиться над вопросами, собравшими их сейчас здесь. А если и будут, то не поверят в том, что противники способны “запечатать уста”, поскольку отлично знают законы игры с нулевой суммой...

Можно ли применить технологию таким образом, чтобы создать у населения какие-то ингибиторы ментальных ударов, предотвращая агрессию со стороны посторонних троянцев? Даже если это осуществимо, последствия такой обработки будут сравнимы с зомбификацией населения. Кроме того, полностью выстроить преграды вряд ли возможно – пока люди продолжают осмыслять воспринимаемое, всегда останется лазейка для проникновения...

Попробовать нанести упреждающий удар противнику? Но какому и какой? Сам Илион давно уже на информационном карантине, наивно полагать, что альтернативные группы не защищены подобным же образом. Разработку технологии противников таким образом не остановить.

Самое ужасное было в том, что оказалось практически невозможным предсказать все последствия, которые в ментальности реципиентов вызовет то или иное внушение, сообщенное им скрытым образом. Им придется делать первые шаги, ступая по тонкому и неизученному льду.

Тед Пауэлл описал то чувство тупикового отчаяния и обреченности, с которым они сидели друг перед другом, ощущая себя перед необходимостью выбора из альтернативы: или добровольный отказ от ключевых этических принципов, или готовность покориться неизбежной их трансформации в результате чужого воздействия. Он рассказал, как один из них попытался провести аналогию между угрозой полувековой давности, когда ядерная гонка поставила руководство стран в аналогичные условия. Это сравнение тут же отмели, как неудачное – ситуация ядерных паритетов была абсолютно иной, в сути своей она была куда проще для принятия каких-либо решений. Сдерживающий фактор для всех участников ядерного пата был сильнее и – что самое главное! – понятнее, потому, что последствия ядерных ударов ощутимым образом сказались бы абсолютно на всех, даже на тех, кого непосредственно не могли затронуть взрывы и радиация – ни одна страна мира не сохранила бы собственный уровень жизни после начала ядерного конфликта. Угроза кардинального снижения уровня собственного благосостояния была самым действующим фактором, который сдержал тупоголовых генералов и властолюбивых политиков.

В данном случае это никак не сработает, поскольку меметическая война будет казаться для ее инициаторов чем-то совершенно абстрактным, происходящим “с другими”, она покажется им даже не войной, а обычной пропагандой, не более чем очередным способом мирной обработки масс. Объяснить реальные последствия политическому истеблишменту, уровень мышления и нравственные критерии которого не эволюционировали со времен средневековья, совершенно невозможно.

Кроме того, было еще одно обстоятельство, которое исключало параллель с удерживанием указательных пальцев обладателей ядерных боеголовок вдали от красных кнопок. Любая ядерная война, будучи начатой, должна была быстро захлебнуться после обмена несколькими порциями ударов – это было самое вероятное течение событий, просчитанное во всех штабах. В случае с войной троянцами ситуация была диаметрально противоположной, поскольку данный способ воздействия на противника провоцировал противоборствующие стороны на бесконечную прогрессию примененных средств – каждый вброс в инфосферу новых текстов будет наверняка не последним – вслед за ним противная сторона будет отвечать своим “ударом”, и это станет эскалацией безумия – в прямом и буквальном смысле этого слова.

С другой стороны, если сейчас они умоют руки – завтра их страна, их семьи и они сами окажутся с промытыми мозгами и вынуждены будут существовать в мире когнитивных моделей, построенных по лекалам противников.

Ни один из собравшихся так и не смог предложить какого-либо решения. Все слишком хорошо понимали, что из всего этого может быть только один вывод, однако никто из них не хотел стать тем, кто его озвучит. *“Ни один из нас не решился на то, чтобы преодолеть лицемерный комплекс благородного чистоплюя, – писал Пауэлл, – и недвусмысленно признаться в том, что единственный выход состоит только в том, чтобы первым нанести удар. Ваш покорный слуга, как и все остальные, предпочел сохранить лицо, хотя к тому времени все мы уже старались не глядеть друг другу в глаза... Оставшись трусливыми гуманистами, мы разошлись, так и не приняв никакого решения, то есть – негласно решив, что наше начальство само примет на себя бремя ответственности, когда узнает, что технология уже готова. Естественно, мы пока не станем им писать отчет, но нет никаких сомнений в том, что технологию они получат в ближайшее время – так или иначе.”*

Читая эти строки, Брайан сжал зубы, но ничего не сказал – выбор, стоявший перед ними, был слишком сложным, чтобы он имел право комментировать их поведение. Он ограничился лишь тем, что нахмурился и покачал головой. Письмо завершалось так:

“Брайан, полагаю, вы понимаете, к чему идет развитие событий. Где бы вы ни находились и что бы вы ни делали, когда получите это письмо – примите меры предосторожности и ограничьте себя во внешних источниках. Нет никакого сомнения в том, что активная фаза использования троянца неизбежна, и она начнется в ближайшие дни – неважно, будем ли это мы или кто-либо еще. Постарайтесь отрезать все коммуникации, обеспечить себя запасами и залечь на инфокарантинное дно. В нашей группе давно уже разработан подобный план, но я уверен, что вы и сами понимаете все, что вытекает из сложившейся ситуации – в пост-информационной цивилизации военные действия предполагают иные бункеры и бомбоубежища, чем в ядерную эпоху.”

Дойдя до конца письма, Брайан помедлил несколько минут, размышляя, затем поднялся на ноги и посмотрел в дальний угол – туда, где лежал его походной рюкзак. Он был давно готов к такому развитию событий, хотя видел теперь, что ошибался, надеясь на то, что в запасе еще есть пара недель...

Он не спеша прошелся по каптерке, собирая свои вещи и укладывая их в рюкзак. Брайан знал, куда ему направиться – убежище было им заблаговременно выбрано, проверено и даже подготовлено. Это был тот самый заброшенный в промзоне бункер с холодильниками, где хранились консервированные продукты – тот самый, который обсуждали бродяги под мостом. Неделю назад Брайан успел навестить его и убедиться, что они не ошиблись и что он сам тоже не ошибся, определив фирму, которой этот склад принадлежал. У него было достаточно средств, чтобы обустроить там жилище, доставить туда дизель-генератор и перебросить топливо из обнаруженных им на охраняемом складе запасов. Никаких угрызений совести в адрес хозяина склада он при этом не испытывал: “Увы, дружище, но может статься, что скоро твой склад станет последней вещью, которая будет интересовать тебя самого...”

Выключив свет в каптерке и закрывая за собой дверь, Брайан думал о том, что теперь ему придется изобрести способ фильтрации информационного контента, чтобы допускать к себе из внешнего мира только очищенную и безопасную информацию. “Ничего, найду решение”, – думал он, направляясь к трассе в поисках машины. У него не было никаких планов в отношении того, сколько ему придется жить в этом бункере, потому, что у реальности больше не было четких перспектив – вместо них был густой непроглядный туман.

Далеко впереди возникли желтые глаза приближающегося фургона. Брайан поднял руку.

– У нас есть почта, – позвонил Уинстону Кеннет, – по линии Брайана.

Ключ почтовой переписки давно уже был известен отделу безопасности, и общение между Тэдом и Брайаном не представляло тайны для Уинстона, поэтому он спокойно ответил:

– Отлично. У них продолжается дистанционный мозговой штурм?

– Нам нужно срочно собраться. Даже по вашей линии это не телефонный разговор. Торрес и Мун не помешают.

Когда такие слова произносил Кеннет, они звучали особенно зловеще. Через пятнадцать минут все сидели в закрытом помещении, слушая, как Кеннет зачитывает им выбранные места из письма Пауэлла. Едва им стало ясно, что у группы готов прототип, Уинстон с генералом посмотрели друг на друга. Обоим пришла в голову одна и та же мысль.

Когда Кеннет закончил чтение, в помещении ненадолго повисла тишина. Наконец советник произнес:

– Я благодарю ваш отдел за отличную работу. А также лично вас – за предложение не трогать Брайана и перехватывать их почту. Если бы не вы, мы бы не узнали об успехах Илиона. Примите мои поздравления и вы, Тайлер.

Он подумал и продолжил:

– На этом сантименты окончены – работа вступает в жесткую фазу. Я понимаю колебания и сомнения ученых, но мы себе такую роскошь позволить не можем. Не имеем права. Мы должны немедленно ввести троянца в действие. Нужно срочно собрать всех ведущих разработчиков и добиться от них полного отчета. После этого у них будет новая задача – практическая. Тайлер, пусть никто не обижается, но если они станут отнекиваться, нам с вами придется взять их за лацканы пиджаков – вежливо, но решительно.

Тайлер кивнул, даже не думая возражать.

Советник перевел глаза на генерала:

– То же самое относится к Брайану. На этой фазе важно его личное присутствие здесь – в любой форме, без церемоний. Нет никакого смысла оставлять его снаружи, он нам нужен под нашим прямым надзором – как минимум для того, чтобы пресечь утечку информации, как максимум – в качестве боевой единицы.

Торрес сидел ровно, но каким-то образом умудрился выпрямиться еще больше и отчеканил:

– Берем?

– Да, пока он не спрятался и снова не залег на дно.

– Мы уже установили его сотовую зону, из которой он регулярно выходит в интернет, завтра к ней подключимся и локализуем его мобильник, – сказал генерал. – Дальше – дело пяти минут.

– Тайлер, а вы завтра утром собирайте группу с отчетом. Я бы созвал их немедленно, но, к сожалению, уже поздно, кроме того, мне срочно нужно к президенту.

Утром следующего дня зал заседаний был заполнен до отказа – Уинстон поздно ночью позвонил Тайлеру и потребовал, чтобы явились все отделы без исключения, включая группу мониторинга, группу сбора статистики и прочие вспомогательные подразделения. Зал негромко гудел – одни из собравшихся недоумевали о причинах такой масштабной встречи, другие, которым было, что скрывать, старались не выдавать своего волнения, изредка поглядывая на генерала, явившегося раньше всех и сейчас неподвижно сидевшего в самом центре, рядом с пока еще пустующим креслом советника. У стены незаметно материализовался Кеннет, его лицо ничего не выражало, а глаза безучастно наблюдали за тем, как между учеными мелькает Тайлер, раздающий последние указания.

Уинстон опоздал на несколько минут, что было для него не характерно. Войдя быстрым шагом, он бегом поздоровался и открыл встречу.

– Прошу меня простить за задержку, – сразу сказал он. – К сожалению, мы недооценили время, которое требуется госсекретарю для того, чтобы разобраться в непривычных для него понятиях...

Большинство из присутствующих в зале улыбнулись, полагая, что советник разряжает атмосферу шуткой, однако серьезное выражение лица Уинстона дало понять, что цель этого сообщения совершенно противоположна. Советник постучал пальцем по планшету и сказал:

– Сегодня мы собрались в полном составе потому, что наша работа наконец-то увенчалась успехом. Нам стало известно, что произошел прорыв в понимании механизмов троянца и что некоторые члены группы обладают прототипом, готовым к демонстрации, – при этих словах Уинстон посмотрел на Тэда Пауэлла, который с окаменевшим выражением лица сидел прямо перед ним. – Мы понимаем наличие у вас ряда этических соображений, которые препятствуют вашей готовности продемонстрировать нам этот прототип, однако надеемся, что вы не допустите перехода вопроса из моральной плоскости в юридическую. Или даже криминальную.

Нил Торрес также поднял свои глаза на Пауэлла, а потом перевел взгляд на остальных членов группы, участвовавших в обсуждении прототипа. Сзади их затылки буравила взгляд Кеннета, ощущавшийся, пожалуй, еще сильнее.

Зал затих. Большая часть присутствующих, не понимающая, о чем идет речь, из слов Уинстона уловила лишь то, что кому-то удалось разобраться в троянце. Меньшая часть, поняв, что ее раскрыли, собиралась с духом и готовилась принять бой.

Пауэлл не мог больше выносить немигающих глаз советника, и решил взять слово.

– Да, вы правы, – сказал он, стараясь держать ровную интонацию, – мы обладаем работающим прототипом. Я не знаю, откуда эта информация у вас, – при этом он метнул взгляд на Тайлера, который в ответ чуть пожал плечами, – но отрицать это нет смысла. Мы не успели ее проверить достаточно обстоятельно, чтобы рекомендовать к использованию...

– Я знаю это, – мягко перебил его советник, – а также то, что с проверкой вы не спешили.

Пауэлл кивнул:

– Да, потому, что для полноценного теста потребовались бы опыты такого масштаба, которые превратили бы этот тест в фактическое применение технологии...

– И? – спросил Уинстон.

– И так как это применение может повлечь за собой непредсказуемые последствия, – продолжал все более уверенным тоном Пауэлл, к которому постепенно возвращалось спокойствие, – мы, авторы прототипа, решили сперва разработать меры для предотвращения побочных эффектов...

Вокруг Пауэлла прозвучали одобрительные возгласы в поддержку этих слов.

Уинстон кивнул головой – он был готов услышать это. Тем не менее, самообладание Тэда заставило его почувствовать к нему определенное уважение. Впрочем, оно относилось не к его этическим принципам, а к тому хладнокровию, с которым он держал удар.

– Хорошо, – сказал Уинстон, – я вас понимаю. И тем не менее, вопрос о проверке прототипа и дальнейшем его применении будем решать мы – непосредственные заказчики технологии. От вас сейчас требуется только полный отчет о его механизме и обстоятельный пример рабочего образца.

– Но позвольте!.. – воскликнули некоторые из ученых. – Вам же объяснили, что технология не проверена, она может быть опасной!..

Уинстон повернулся к тому, кто это сказал, и ответил:

– Позволю вам напомнить, что группа была собрана не ради удовлетворения академического любопытства ее участников, а для срочной разработки жизненно важного инструмента, который вместе с нами пытаются создать несколько наших противников! Любое промедление со вводом ее в эксплуатацию может...

– Мы не спорим с этим, но поймите и вы нас! – подал голос Иво Леманн. – Вы ставите нас в положение физиков, открывших цепную реакцию, от которых требуют немедленно принести кусок обогащенного урана и передать в руки военных! А кто будет виноват, когда завтра лучевая болезнь выкосит весь ваш рядовой состав и вас самих?!

Уинстон осекся – он не ожидал такого отпора. Его взгляд остановился на генерале, но тот, похоже, тоже был под впечатлением прозвучавших слов. Образ был достаточно конкретным и доходчивым.

У стены негромко кашлянул Кеннет, как бы прося слова. Все обернулись в его сторону.

– Мне кажется, – сказал негромко он, – что все правы. С одной стороны, мы не можем немедленно отдавать технологию в эксплуатацию – аргументы, которые предоставили разработчики, заслуживают внимания. Однако никто из них не имеет право умалчивать о том, что им стало известно о механизме троянца. В конце концов, если они хотят обеспечить безопасность прототипа – пусть поделятся его сутью, объяснят все то, что поняли сами, и это позволит всем подключиться к разработке мер по его безопасному применению.

На это возразить было нечего. Тэд Пауэлл с товарищами почувствовали, что их загнали в тупик – маневрировать дальше было некуда. Видя, что он в замешательстве, Уинстон решил изменить нажим, зайдя с другой стороны:

– Поймите, Тэд, речь сейчас идет только о том, чтобы убедиться, что мы действительно обладаем этим инструментом. В наших сегодняшних условиях, когда нет никаких признаков успехов у наших противников, у нас нет необходимости инициировать какие-либо упреждающие удары...

И тут его перебил кто-то с дальнего конца стола:

– К сожалению, я должен вам сообщить, что с упреждающими ударами мы, похоже, уже опоздали.

Это был голос начальника группы мониторинга.

Зал замер. Уинстону показалось, что он неправильно расслышал.

– Что вы сказали?! – крикнул он.

На том конце стола кашлянули и невысокий полный человек поднялся, чтобы его было лучше видно.

– Я говорю, что сегодня утром получены результаты, которые свидетельствуют о несомненной активности в данной области со стороны Ватикана.

– Что?! Попрошу вас поближе, – и советник махнул рукой, указывая на свободный стул у стены. – Почему я только сейчас об этом узнаю?

Рядом с ним освободили место и дали разместиться начальнику мониторинга. Тот, слегка волнуясь, стал объяснять:

– Мы собирали данные почти две недели. Статистика оперирует выборками по строгим периодам, послезавтра должен быть очередной этап анализа. Но вчера ночью объявили большое собрание, поэтому я на всякий случай обработал по упрощенной методике выборку последних дней... Результаты пришли только что, при свободном регламенте я бы сразу выступил и зачитал их, но сегодня вы с первой минуту взяли слово...

Он выложил перед собой листок с какими-то кривыми и столбиками цифр.

– Что это? – тревожно спросил Уинстон. – Только подробно, пожалуйста.

– Сейчас все объясню, – уже успокоившись, сказал тот. – Для начала – пара слов о том, как мы мониторили Ватикан... Естественно, для других целей были использованы иные позиции, но суть общая для всех... Кстати, активность выявлена только у церкви, по остальным реакция пока в норме.

– Прошу вас, не отвлекайтесь, – умоляюще поторопил его советник.

– Извините, но этот вопрос все равно бы прозвучал. Итак – Ватикан. Активное наблюдение шло дюжину дней, но мы подключили к анализу данные из наших архивов. За последние пять дней по динамике ряда факторов обнаружена тенденция, которую уже можно назвать нехарактерным всплеском. В первую очередь это всплеск финансовой активности в виде пожертвований в адрес католических церквей, приходов, деканатов и прочих смежных структур, имеющих соответствующую конфессиональную принадлежность. Обычно такие подъемы синхронизированы с календарными христианскими датами или знаковыми событиями, например – с визитом Папы Римского. Причем такие всплески чаще всего имеют вид быстро взлетевшей интенсивности, а затем постепенного её спада, когда через пару суток событие заканчивается. Однако в охваченном периоде нет ни одной подобной знаковой даты, также не предвидятся какие-либо церковные мероприятия. Более того, сам рост пожертвований имеет иной характер – совсем не похожий на предыдущие: он медленно, но упорно нарастает, не имея никаких намеков на смену тренда в ближайшее время.

Палец рассказчика скользил по графикам, задерживаясь на обведенных маркером точках, иллюстрирующих его слова. Бросив взгляд на лицо советника и убедившись, что тот внимательно его слушает, он продолжил:

– Это одно из свидетельств, могу изложить остальные – их несколько, но даже по отдельности каждое из них является крайне экстраординарным, а в кумулятивном выражении все они могут означать лишь одно: Ватикан нанес удар. Естественно, не вчера. Вероятнее всего это случилось... примерно неделю назад.

По залу пронеслись нервные выдохи – кто-то из присутствующих пытался справиться с шоком, кто-то – вздохнул с облегчением, ощутив, что тяжесть выбора снята с его плеч инициатором первого хода.

Генерал недоуменно смотрел на графики и цифры, не понимая, как эти абстракции связаны с тем, что он только что услышал. В конце концов он не выдержал и спросил:

– И как они это провернули?! Молитвами с амвона потребовали десятину? Или на своих телеканалах и сайтах опубликовали сбор средств?

– Конечно, нет, – ответил один из социологов. – Наверняка никто не стал зашифровывать в тексте “несите ваши денежки, иначе быть беде”. Для этого достаточно было создать и распространить троянский месседж, усиливающий экзистенциальный страх обывателя, добавить в него апелляцию к высшим силам... все это – достаточно глубинные концепты, мы уже объясняли это раньше. И в итоге – население устремилось замаливать грехи, все побежали каяться и покупать себе место на небесах...

Уинстон посмотрел на Тэда.

– Это возможно? Он так и работает?

Тот переглянулся с соседями по столу и все подтвердили кивком головы.

– Да, – ответил Тэд, – примерно так. Дело в том, что механизмы троянца не настолько сложны, чтобы в них нельзя было разобраться их ученым. Вся сложность была только в нахождении верной гипотезы... А когда она появилась, ее практическое воплощение – дело нескольких дней. Похоже, Ватикан нашел это, и сразу решил опробовать. Паству свою они всегда воспринимали как удобный материал...

– Понятно, – мрачно произнес Уинстон, – понятно... Ничего нового церковь не придумала, как всегда.

– А зачем им придумывать что-то, когда то, что работает – работает веками? – хмыкнул кто-то сбоку. – В борьбе за власть все средства хороши...

Эти слова вернули советника в колею.

– Итак, – откашлявшись, резюмировал он, – то, что мы узнали, не меняет наш регламент – он становится более жестким. Ваш прототип немедленно идет на конвейер. Первая смысловая нагрузка для него уже продумана, но, я полагаю, теперь нам придется учитывать действия Ватикана, так что будут коррективы. И дополнения.

Ему больше никто не возражал – все собравшиеся были согласны с тем, что в их положении альтернативы активным действиям уже не оставалось. Уинстон, отмечая это единодушие, попросил присутствующих подумать над такой задачей: можно ли узнать, чего конкретно добивается Ватикан, и что можно предложить в качестве компенсирующих мер для сдерживания его инициатив?

Пока Кларк обсуждал с Торресом некоторые вопросы, ученые обсудили задачу и через несколько минут поделились своим мнением: безусловно, участвовавшие пожертвования – не более чем один из эффектов усиления авторитета церкви. Ограничивается ли обработка прихожан только этой установкой? Скорее нет, чем да, поскольку, задачу укрепления авторитета церкви можно решить лишь комплексной обработкой мироощущения. Относительно вопроса: что можно противопоставить усилению Ватикана, мнения были единодушны: акцент на рациональность, позитивизм, личную ответственность без апелляции к трансцендентным авторитетам, примат естественно-научной парадигмы, демократические ценности, принципы среднего класса, воздаяние за честный труд честной платой на земле, а не на небесах, и так далее... В общем – все то, что достаточно глубоко вошло в

целустановки современной цивилизации и онтологию рационально мыслящего и свободолюбивого западного человека.

Кто-то в запале предложил: а не грохнуть ли по Ватикану ультимативным оружием атеистической концепции? Но ему тут же возразили: во-первых, в когнитивных моделях, сформировавшихся в христианском социуме, эта концепция никогда не сможет конкурировать с укоренившимися патологиями и страхами, которые эксплуатирует теистическая парадигма, а во-вторых (это уже добавил сам Уинстон, впервые осмелившись вклиниться в рассуждения ученых) – не будем посягать на религию, как таковую. Она нам необходима – но под контролем, как умеренная отдушина, как стандартизированная и единая для всего общества мифология для самоуспокоения и разрешения когнитивных диссонансов, которые неизбежны при наблюдении за действиями любой мирской власти. Так что не будем замахиваться на инструмент, который хорошо работает, но и не станем отдавать его исключительно в руки церкви. Ведущим авторитетом для населения должны оставаться только мы.

Обсуждение этого и многих других вопросов заняло не один час, положение догоняющих подстегивало всех действовать в спешке, не откладывая ничего из того, что нужно было сделать “еще вчера”. Таких задач, к сожалению, оказалось слишком много. Их немного успокаивал тот факт, что возможностей для масштабного распространения троянцев у государства намного больше, чем у прочих институтов: даже Ватикан был ограничен лишь своими религиозными телеканалами, приходскими службами, несколькими популярными персонами, соответствующими шоу, да рядом изданий малого тиража и известности. Все это не могло идти в сравнение с медиа-индустрией, Голливудом, спортивными событиями, модными инфлюенсерами и прочим штатом профессионалов, которые каждый день обрабатывали сотни миллионов обывателей, выполняя прямо или косвенно спускавшиеся им указания.

Отдельная задача была сформулирована тут же созданному отделу для слежки за Китаем, Россией и прочими субъектами, от которых можно было ожидать аналогичных шагов. Всем стало ясно, что группа Илион больше не является просто группой, теперь это – штаб, в котором ученые, продолжая выполнять свою работу, передают эстафету политикам, военным и PR-специалистам.

В дискуссию опять подключился Кеннет и объявил, что штаб придется передислоцировать, поскольку с данной минуты вступает в силу совершенно иной регламент информационной безопасности. Каждому из присутствующих требуется немедленно решить свои бытовые дела и быть готовым к перемене места жительства, если он хочет продолжить работу в составе группы и находиться при этом под защитой, которую ему обеспечит государство.

Эти слова прозвучали для всех, как объявление начала военных действий. Из них неизбежно следовали: расставания с семьями, информационный карантин, переход в подчинение ведомству, в котором не просят, а отдают приказы, и много прочих неприятных условий казарменной жизни...

Когда группа разошлась, генерал, советник и их помощники остались сидеть, глядя друг на друга глазами, в которых уже никто не пытался утаить свою растерянность – каждый из них понимал, что, несмотря на все их усилия, их все-таки застигли врасплох. Они оказались втянуты в войну, которая была для них непонятна, перспективы которой были совершенно туманны, а инструменты – слишком абстрактны для их опыта...

Их пальцы тянулись к кнопкам, к телефонным трубкам, к стратегическим картам и планам, горло чесалось отдавать приказы – но кому? На какие кнопки нажимать? И в каких бункерах прятаться?

продолжение следует

